

Архипастырь на переломе эпох

Фото: e-vestnik.ru

22 июля 2026 г. 13:23

18 августа 1966 года в Краснодаре отошел ко Господу митрополит Краснодарский и Кубанский Виктор (Святин). В 2026 году исполняется 60 лет со дня его кончины — срок, позволяющий осмыслить масштаб личности подвижника, чья жизнь стала воплощением трагической и вместе с тем величественной истории Русского Православия в XX веке. Его жизненный путь пролегал от оренбургских степей до дальневосточных рубежей, от революционного лихолетья к долгому служению в Китае и возвращению на Родину. Статья опубликована в «Журнале Московской Патриархии» (№ 7, 2026, [PDF-версия](#)).

От казачьей станицы до Китая

Будущий митрополит родился 2 (14) августа 1893 года в станице Карагайской Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии в семье диакона (впоследствии священника Николаевского собора города Верхнеуральска) Виктора Евграфовича Святина. При крещении он получил имя Леонид. Его мать Мария Петровна, дочь атамана Карагайской станицы Петра Степановича Жукова, умерла рано; осиротевших трех сыновей и двух дочерей воспитывала бабушка по отцу Мария Федоровна Святина. Детские годы будущего святителя прошли среди оренбургского казачества, что наложило отпечаток на его характер и сформировало твердость в вере, верность долгу и беззаветную преданность пастырскому служению.

В 1915 году Леонид с отличием окончил Оренбургскую духовную семинарию и поступил в Казанскую духовную академию. Однако планам на получение высшего духовного образования не суждено было сбыться: в 1916 году он был мобилизован и направлен в тифлисское Михайловское военное училище. Вчерашний семинарист проходил службу на Кавказском фронте. Грянувшая революция застала его в действующей армии. Он вернулся домой, в Верхнеуральск, где вновь был мобилизован в армию и служил в штабе «белого» генерала Г.А. Белова, затем отступал в составе отряда генерала А.С. Бакича до границы с Китаем. На границе армия была распущена, сам Леонид тяжело заболел сыпным тифом. Здесь произошла встреча, определившая всю его дальнейшую судьбу: его нашел дядя, генерал Гervasий Петрович Жуков, который предложил племяннику выехать в Китай. Так, по особому Промыслу Божию, штабс-капитан Святин оказался на земле, где ему предстояло провести более тридцати лет своего служения.

Принятие монашества и начало пастырского пути

Леонид Святин с детства задумывался о монашеской жизни. Узнав о существовании в Пекине Российской духовной миссии и Успенского мужского монастыря при ней, он пришел в обитель и стал ее послушником. Это было в феврале 1921 года. 30 июня того же года он был пострижен в монашество с именем Виктор, 3 июля рукоположен во иеродиакона и 7 июля во иеромонаха. Ему было тогда 27 лет. Воспоминания современников сохранили черты его облика в те годы: это был молодой мужчина выше среднего роста, плотного телосложения, с крупными чертами типично русского лица, с окладистой бородой.

Начальник Миссии епископ Иннокентий (Фигуровский), разглядевший в молодом монахе будущего преемника, отправил его для изучения китайского языка во Владивостокский восточный институт. Однако политические события на Дальнем Востоке, а именно поражение Белой армии, вынудили иеромонаха Виктора вернуться, и весной 1922 года он был назначен настоятелем церкви Покрова Пресвятой Богородицы на братской могиле русских воинов в Тяньцзине. В ней он прослужил десять лет. Здесь проявилось его незаурядное пастырское и организаторское дарование. Для сотен русских эмигрантов, оказавшихся на чужбине, он стал духовным отцом и наставником. Его трудами скромный храм-часовня был перестроен в большой каменный храм. По его инициативе открылись русская школа, больница, Дом милосердия имени преподобного Серафима Саровского для престарелых и больных, благоустроено русское кладбище. 3 ноября 1929 года отец Виктор был возведен в сан архимандрита.

Во главе Российской духовной миссии в Китае

Осенью 1932 года архимандрит Виктор был направлен в Югославию для присутствия на Архиерейском Соборе [Русской Православной Церкви Заграницей](#) в городе Сремски-Карловци. 6 ноября по решению митрополита Антония (Храповицкого) и по ходатайству архиепископа Пекинского и Китайского Симона (Виноградова), девятнадцатого начальника Российской духовной миссии в Китае, была совершена его архиерейская хиротония во епископа Шанхайского. А уже в августе 1933 года, после кончины владыки Симона, он был назначен начальником Миссии — двадцатым в ее истории. В сентябре 1938 года был возведен в сан архиепископа. Годы его служения на посту главы Миссии сопровождались расцветом ее деятельности. Архиепископ Виктор открывал приходы, церкви и молитвенные дома не только в Пекине, но и в Калгане, Циндао и других городах. В 1936-1938 годах он совершил поездку в Индию (Малабар) и на Цейлон, где вел переговоры с местными христианскими общинами о возможном воссоединении их с Православной Церковью. Он пользовался непререкаемым авторитетом как среди православных китайцев — потомков албазинцев[1], так и среди русских эмигрантов. О масштабе деятельности последнего начальника Миссии говорит даже простое перечисление сделанного им на этом посту. В Шанхае был построен величественный собор вместимостью до двух тысяч человек, «открыты приходы, церкви и молитвенные дома: в Пекине, Калгане, Чифу, в Гирине, на Дамбе, в Гонконге, Кантоне, Макао, построены храм и дом для

священника в Маниле, женский монастырь и храм при нем в Какагаши близ Дайрена, Пантелеимоновская санатория с храмом в горах Лаошань, перестроен капитально городской храм и выстроен дом для священника в Циндао, построен большой дом на церковном миссийском участке в Хайдаре... открыт молитвенный дом на Вэйсайде в Шанхае»[2].

Сложным испытанием как для Миссии, так и для ее начальника стали годы японского вторжения в Китай. Важнейшим политическим контекстом этих событий было создание в 1932 году Японией марионеточного государства Маньчжоу-Го, служившего инструментом японского военно-политического контроля в Северо-Восточном Китае. В результате начавшейся в 1937 году Японо-китайской войны войска противника быстро захватили Бейпин[3], Тяньцзинь и Шанхай — города, где, наряду с Маньчжурией и Синьцзяном, было сосредоточено основное православное население Китая. В годы Второй мировой войны архиепископ Виктор как истинный русский патриот молился за победу русского оружия, что ожидало вызывало неприязнь японских властей. Далеко не все русские эмигранты, жившие в то время в Китае, понимали и принимали усилия владыки Виктора по укреплению православной общины под, как говорил сам архипастырь, «гнетом японского сапога». Так, один из наиболее авторитетных исследователей дальневосточной эмиграции Петр Петрович Балакшин действиям владыки Виктора в эти годы дает однозначно негативную оценку, обвиняя его в «прояпонских симпатиях», ссылаясь на его призывы к русским эмигрантам сохранять «преданность Японии и единодушную поддержку "нового порядка"»[4]. Действительно, по настоянию оккупантов владыка был вынужден занять пост председателя Антикоминтерновского союза Северного Китая, что впоследствии стало поводом для серьезных обвинений в его адрес. Но даже в цитируемом труде, совсем не свободном от политической конъюнктуры[5], П.П. Балакшин признает, что архиепископу Виктору «приходилось учитывать реальность обстановки и поступать в соответствии с нею»[6].

Воссоединение с Московской Патриархией и последние годы пребывания в Китае

В конце войны архипастырь принял решение, определившее всю дальнейшую судьбу Православной Церкви в Китае. В декабре 1944 года через советское дипломатическое представительство он предпринял попытку связаться с Московской Патриархией, однако она оказалась неудачной. В августе 1945 года владыка направил [Патриарху Алексию I](#) телеграмму с прошением о принятии Миссии в юрисдикцию Московской Патриархии, 27 декабря того же года это прошение было удовлетворено. О том, насколько драматичным было это решение для самого архипастыря и для близких ему людей, а также для всей его русской паствы, свидетельствовал муж его сестры, Борис Михайлович Кёпинг: «Всей моей семьей был решен вопрос о том, чтобы возбудить ходатайство о просьбе о принятии нас в Советское гражданство на том основании, что свою любовь к Родине[7] мы проявили незапятнанной через все, иногда весьма тяжелые, годы жизни в чужих краях и среди чуждого окружения. Наше семейное решение детонировало, однако, значительно серьезнее, чем то, что мы могли предполагать в первый момент. Это был конец 1944 года. Свое решение мы сообщили родственнику архиепископу Виктору, который также считал этот вопрос назревшим и, согласовав его по своей церковной линии, вызвал через некоторое время меня в г. Пекин и попросил отправиться в Советское Посольство... и просил передать... для дальнейшей пересылки официальный рапорт архиепископа Виктора на имя Патриарха Московского и всея Руси с просьбой о воссоединении с Патриаршей Церковью. Поручение это я выполнил, хотя в то время прямо напротив дверей Советского Посольства находился какой-то филиал японской жандармерии, а я принужден был более двадцати минут простоять перед запертой на цепь дверь Посольства с важным документом в кармане, прямо перед японскими жандармами»[8].

В июне 1946 года Патриарх Алексей I наградил архиепископа Виктора правом ношения креста на клобуке. Что же касается решения о переходе под Патриарший омофор, принятого владыкой в августе 1945 года, то оно имело далекоидущие последствия и вызвало жесткое противодействие как со стороны светских властей Китая, так и со стороны части духовенства, оставшегося верным Русской Зарубежной Церкви.

После принятия советского гражданства архиепископ Виктор столкнулся с враждебностью со стороны правительства Гоминьдана — национальной партии Китая, стоявшей до 1949 года во главе Китайской Республики и ведшей борьбу с китайскими коммунистами за власть в стране. Ее лидером был Чан Кайши — глава национального правительства, крупнейший военный и политический деятель республиканского Китая той эпохи. Власти Китая, не спешившие с регистрацией владыки Виктора как главы Миссии, признавали законным представителем Православной Церкви святителя Иоанна (Максимовича), епископа Шанхайского, который остался в юрисдикции Русской Православной Церкви Заграницей. Это привело к двойственному положению Миссии, ее административное управление было фактически парализовано.

28 мая 1946 года Архиерейский Синод РПЦЗ официально исключил архиепископа Виктора из списков своей иерархии, освободив клир и паству в Китае от обязанности ему подчиняться. Ситуация осложнялась не только противостоянием с Зарубежной Церковью, но и давлением на самого владыку со стороны китайских властей и части китайского православного духовенства. Гоминьдановское правительство препятствовало его деятельности, стремясь тем самым ограничить влияние Московской Патриархии. Кульминацией конфликта стал арест архиепископа Виктора 19 октября 1946 года. Его поместили в тюрьму в Шанхае. Владыке было поставлено в вину сотрудничество с японскими оккупационными властями и членство в Антикоминтерновском союзе Северного Китая — должность, которую он был вынужден занять под давлением оккупантов. Список обвинений, предъявленных ему, составил двадцать пунктов. Однако, как свидетельствовала сестра владыки Ольга Викторовна Кёпинг, «все русские общественные организации в Тяньцзине... писали официальные бумаги, удостоверяющие, что владыка Виктор всегда занимался только церковной и благотворительной деятельностью. На все двадцать пунктов обвинения эти организации ответили "нет"»[9].

По воспоминаниям генерального консула СССР в Бейпине С.Л. Тихвинского, владыка Виктор пользовался непререкаемым авторитетом среди православной паствы Китая[10]. Когда начались нападки на начальника Миссии, именно священнослужители и прихожане, за немногим исключением, выступили перед гоминьдановскими властями в его защиту.

Благодаря вмешательству советского посла А.А. Петрова архипастырь был освобожден под залог. Весьма интересна оценка, которую тот дал своему идеологическому противнику — белоэмигранту: «Архиепископа Виктора, являющегося должностным лицом, главой всех православных в Китае и представителем Московского Патриарха, ни в коем случае нельзя рассматривать как рядового иностранца. Речь идет о человеке, пользующемся всеобщим уважением со стороны верующих, будь то русских или китайцев. Виктор прожил в Китае более 25 лет и не совершил ни одного нелицеприятного к Китаю поступка... Можно ли духовного пастыря, посвятившего столько лет благотворительной и миссионерской деятельности и завоевавшего всеобщую любовь русских и китайских православно верующих, обвинять в военном сотрудничестве с японцами, если не упускать совершенно сознательно из вида того факта, что Виктор, находясь и работая на протяжении ряда лет на оккупированной территории в условиях японского диктаторского режима, не мог полностью порвать связей с японцами, хотя бы в интересах миссии и своей паствы»[11]. Благодаря решительным действиям советского посольства и православной паствы Китая в апреле 1947 года суд полностью снял с архиепископа Виктора обвинение. Важную роль в деле его реабилитации сыграл Цзян Цзинго, сын Чан Кайши, который, приехав в СССР на учебу, многие годы находился здесь фактически в положении политического заложника[12]. Цзян Цзинго сам чудом избежал советских репрессий, которые могли обрушиться на него после обострения конфликта между Гоминьданом и Коммунистической партией Китая в 1927 году. Сталин отпустил его в Китай только весной 1937 года, когда две партии образовали антияпонский единый фронт. Цзян Цзинго хорошо знал советскую систему изнутри, понимал, как функционирует государственный механизм, что помогло ему стать посредником в деле реабилитации архиепископа Виктора.

Сам епископ Иоанн, впоследствии канонизированный Русской Православной Церковью, конечно, исходил из благих побуждений, стремясь сохранить Духовную миссию и вверенную ему Шанхайскую епархию от расхищений и разрушения. Однако на деле его отказ от признания юрисдикции Московской Патриархии вместе с действиями некоторых китайских и русских священнослужителей привели лишь к возникновению смуты, продолжавшейся вплоть до 1949 года. Вместе с тысячами беженцев, не пожелавших оставаться в Китае, переходившем под власть коммунистов, он был вынужден переехать на филиппинский остров Тубабао, а потом совершить отъезд в США.

Несмотря на полное оправдание владыки Виктора, материальное положение Миссии, а также ее канонический и юридический статус оставались под угрозой. Советско-китайское соглашение, заключенное еще в 1924 году, предусматривало, что все занимаемые ею здания, сооружения и земельные участки являются собственностью СССР. В любой момент могла начаться принудительная передача этого многочисленного имущества китайским властям, что лишило бы Миссию самой возможности существования. Однако владыка Виктор как архипастырь, ответственный за судьбы вверенных ему Богом людей, решил пройти свой путь до конца: предложения эмигрировать в США, с которым к нему обратились американские представители, принимавшие активное участие в делах Русской Церкви и русской колонии в Китае, он не принял[13].

Положение Миссии еще более осложнилось после провозглашения 1 октября 1949 года Китайской Народной Республики. Победа коммунистов и приход к власти Коммунистической партии Китая означали наступление новой эпохи, в которой всякое иностранное миссионерское присутствие воспринималось новым режимом как идеологически чуждое, политически подозрительное и подлежащее постепенному вытеснению. Именно этим политическим контекстом объяснялись и последующее давление на церковные структуры, и курс китайских властей на так называемую «китаизацию христианства».

В 1950 году по приглашению Патриарха Алексия I архиепископ Виктор посетил СССР. Это была его первая поездка на Родину после трех десятилетий эмиграции. Владыка выступил с докладом на заседании Священного Синода, сопровождал Святейшего в его поездке в братскую [Грузинскую Православную Церковь](#), а также принял участие в хиротонии протоиерея Феодора Ду, постриженного в монашество с именем Симеон, первого китайского архиерея, епископа Тяньцзиньского (впоследствии — Шанхайского), что воспринималось как первый шаг к организации самостоятельной [Китайской Православной Церкви](#)[14].

17 августа 1950 года архиепископ Виктор был назначен Патриаршим экзархом Восточноазиатского экзархата Московской Патриархии[15]. Он продолжал управлять Миссией, создавая условия для организации автономной Православной Церкви в Китае. Архиепископ Виктор стремился сочетать верность Русской Церкви с готовностью уважать законные требования китайского государства и добивался прежде всего возможности сохранения православной общины. Он инициировал административную реформу: объединение приходов в рамках экзархата, создание единого Экзаршего совета на основе Совета миссии и Совета экзархата, включение китайских клириков в управление экзархатом. Выступая на заседании Священного Синода по вопросам Миссии в июле 1950 года, владыка Виктор настаивал на назначении молодого наместника в Пекинский монастырь и на восстановлении дореволюционных подворий Миссии в Москве и Ленинграде, чтобы китайская молодежь имела возможность учиться в этих городах. Но обстоятельства неумолимо менялись: постепенно сворачивались внешние связи Миссии, усиливался контроль за Церковью со стороны государственных структур, значительно сокращалась русская эмиграция, наконец, последовал отъезд из страны части духовенства. Существование Миссии никак не вписывалось в повестку тогдашней советско-китайской дружбы. 30 июля 1954 года Священный Синод упразднил Российскую духовную миссию, оставив храмы в ведении Восточноазиатского экзархата для того, чтобы подготовить их к передаче в учреждаемую Китайскую Автономную Православную Церковь. В 1956 году, когда китайские власти стали настаивать на полном выведении иностранного епископата из страны, архиепископ Виктор вынужден был покинуть Китай. 26 мая 1956 года он выехал в Советский Союз. Завершилось его более чем тридцатипятилетнее служение на Китайской земле, из которого, как сам он писал, более десятка лет прошли «без всякого

руководства и защиты Высшей Церковной и Государственной власти»[16]. Российская духовная миссия, просуществовавшая два с половиной столетия, завершила свою историю.

Последние годы служения на Кубани

31 мая 1956 года архиепископ Виктор был назначен на [Краснодарскую и Кубанскую кафедру](#). На родине он, встреченный с любовью и уважением, продолжил свое архипастырское служение. Несмотря на возраст, он деятельно управлял епархией, совершал богослужения, заботился о пастве и проявил себя строгим и мудрым архипастырем. Он уделял внимание как восстановлению приходской жизни, так и духовному окормлению священнослужителей и мирян, опираясь на опыт сложных лет, прожитых им на Дальнем Востоке. Исполняя архиерейское послушание вдали от своей любимой китайской паствы, владыка Виктор некоторое время пытался вести переписку с оставшимися в Китае священниками и духовными чадами, оказывать им духовную и материальную помощь. Однако делать это в эпоху хрущевских гонений было весьма затруднительно: в архивах сохранились донесения С.Ф. Бабушкина, уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР[17] по Краснодарскому краю, о его беседах с кубанским митрополитом, в которых он, в частности, настоятельно рекомендовал владыке прекратить всякого рода сношения с Китаем[18]. Об участии архиепископа Виктора в предполагавшемся Поместном Соборе Китайской Православной Церкви, которой 23 ноября 1956 года Русская Православная Церковь предоставила автономию, также не могло идти и речи: МИД СССР и «китайские друзья» считали весьма нежелательным направлять на Собор представителя Московской Патриархии, и тем более — бывшего архиепископа Пекинского и Китайского[19]. Самым тяжелым для него было осознание, что Российская духовная миссия в Китае прекратила свое существование. Его племянница, известный ученый-тангутолог Ксения Борисовна Кёпинг, родившаяся в Китае и приехавшая на постоянное жительство в СССР незадолго до самого владыки, вспоминала: «Кошмаром последних лет его жизни стала судьба албазинцев... Ему были известны даже подробности убийства албазинских священников. Сказать, что он переживал, — это значит ничего не сказать. Албазинцы — это ведь его паства, дети. Он их крестил, женил, выдавал замуж, хоронил. Всех называл ласкательными именами. И вот эти дети погибали. Он обращался в духовные и светские организации, что само по себе в те годы было геройством, проявлением бесстрашия»[20].

20 мая 1961 года владыка Виктор был возведен в сан митрополита, что стало признанием его многолетнего служения Церкви и особой роли в устроении Православия в Китае. 11 мая 1963 года он был награжден орденом святого равноапостольного князя Владимира I степени.

Митрополит Виктор был тверд в противодействии советским властям, поставившим цель уничтожить Православие, в том числе и на Кубани. О годах его служения на Кубани так рассказывал [владыка Григорий \(Петров\)](#)[21], один из преемников митрополита Виктора на Кубанской кафедре: «Количество храмов на Кубани в это время сократилось более чем вдвое. Но митрополит Виктор и миряне, верные Христу, делали все возможное, чтобы сохранить Православие. Коммунисты планировали разрушить Екатерининский кафедральный собор. Благодаря трудам и заботам митрополита Виктора, его помощника отца Николая Гетмана главный храм Кубани удалось сохранить. Более того, митрополит Виктор, будучи человеком достаточно смиренным, проявил твердость и обещал приковать себя цепями к дверям собора, если коммунисты решат его разрушить»[22].

До конца дней владыка оставался верен обещанию Господу, которое давал при своем монашеском постриге. Современники отмечали, что он всегда строго соблюдал обет нестяжания: не имел имущества, раздавал нуждающимся все, что получал. Еще в 1955 году глава церковной делегации, направленной в Китай Патриархом Алексием I, епископ Мукачевский и Ужгородский Иларион (Кочергин) замечал, что «при широкой натуре на "даяния" архиепископ Виктор не имеет самого необходимого не только для возвращения на родину, но и для нормального житейского обихода». Владыка Иларион даже просил Патриархию «изыскать средства для дальнейшего экипирования архиепископа Виктора, то есть выделение определенной денежной суммы для специального назначения — приобретения им теплой одежды и обуви, достаточного количества белья и осуществления необходимых мероприятий для поправления своего здоровья»[23].

В последние годы жизни владыка Виктор отказался от половины своего жалованья, посчитав его слишком высоким, и рассылал материальную помощь нуждающимся в разные города. До самого конца он заботился о тех русских священнослужителях, монашествующих, мирянах, кто прибыл с ним из Китая на Кубань, чтобы закончить свои дни на Русской земле. Это были секретарь миссии Михаил Александрович Успенский, престарелый архимандрит Садок (Жеребцов), монах Серафим (Климовских) — бывший полковник царской армии, вдова священника Мефодия Панина монахиня Нонна — их, старых, больных и обездоленных, с владыкой прибыл «целый вагон»[24].

18 августа 1966 года митрополит Виктор (Святин) скончался в Краснодаре после непродолжительной болезни, завершив земной путь, неразрывно связанный с судьбой Российской духовной миссии в Китае и возрождением церковной жизни на Кубани. Его отпевание и погребение, состоявшиеся 21 августа, совершили архиепископ Ставропольский и Бакинский Михаил (Чуб) и епископ Симферопольский и Крымский Леонтий (Гудимов). На могиле владыки Виктора на Славянском кладбище города Краснодара и сегодня совершаются заупокойные богослужения, а память о нем сохраняется как о последнем начальнике Российской духовной миссии в Китае и мудром архипастыре Кубанской земли.

Наследие

Жизненный путь митрополита Виктора — это удивительное свидетельство верности Богу, Церкви и Отечеству. Пройдя через горнило войн и революций, он сохранил веру и приумножил ее в служении на чужбине, став духовной опорой для

многих тысяч русских людей, рассеянных по Китаю. Владыку Виктора красноречиво характеризуют строки рапорта епископа Илариона (Кочергина) Патриарху Алексию I, написанного после поездки в Китай в 1955 году: «Встречаясь в К.Н.Р. совместно с ним с политическими и научными деятелями, мы имели случай убедиться в его широкой эрудиции не только в церковных, но и в научных и политических вопросах, что, конечно, создавало ему большой авторитет... Не говоря уже о насельниках Бейгуаня[25], которые очень многим обязаны владыке Виктору, мы видели почтительное отношение к нему везде, где бы он ни являлся. "Чдзу-дзяо" — обыкновенное восхищение как взрослых, так и особенно со стороны детей при его появлении на улице ли города или близ учебно-воспитательных учреждений Бейгуаня или в парке последнего. Владыку Виктора китайцы глубоко уважают, а дети искренне любят. В общественных местах, парках, музеях, выставках очень часто молодежь встречала владыку Виктора аплодисментами»[26].

В мае 2013 года Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу после его исторического визита в Китай была торжественно вручена панагия архиепископа Виктора, подаренная ему духовными чадами в 1938 году. В свое время по возвращении в СССР архиепископ Виктор передал эту панагию Патриарху Алексию I; впоследствии она хранилась у митрополита Чебоксарского и Чувашского Варнавы (Кедрова). Этот жест весьма символичен: он свидетельствует о преемстве поколений и непрерывности церковной традиции, которую свято хранил последний начальник Российской духовной миссии в Китае митрополит Виктор (Святин).

Спустя шесть десятилетий после его кончины мы с благодарностью вспоминаем архипастыря, чья жизнь стала яркой страницей в истории Русской Православной Церкви XX века.

Протоиерей Андрей Милкин

[1] Албазинцы — потомки русских казаков, служивых людей из острога Албазин на Амуре, попавших в плен к маньчжурским войскам в 1685 году и переселенных в Пекин, где они образовали особую православную общину в составе китайского общества.

[2] М[оложатов] И.М. Российская духовная миссия в Китае (краткий исторический очерк) // Китайский благовестник. 1946. № 11. С. 22.

[3] Бейпин (кит. «Северное спокойствие») — так с 1928 по 1949 год назывался Пекин, нынешняя столица КНР.

[4] Балакишин П.П. Финал в Китае: Возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. Т. 2. Сан-Франциско и др.: Сириус, 1959. С. 238.

[5] По окончании Второй мировой войны П. П. Балакишин служил в Японии в качестве военного историка при штабе генерала Д. Макатура в Токио и при штабе Военно-воздушных сил США в японском городе Нагоя.

[6] Балакишин П.П. Указ. соч. С. 241.

[7] Здесь и далее в цитируемом документе некоторые слова выделены прописными буквами.

[8] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 522. Л. 19-20.

[9] См.: Кепинг К.Б. Судьба Российской духовной миссии в Китае // Кепинг К. Последние статьи и документы = Ksenia Keping. Last Works and Documents. СПб., 2003. С. 250.

[10] См.: Тихвинский С.Л. Назначение в Бэйпин // Тихвинский С.Л. Избранные произведения в пяти книгах. Кн. Пятая: Воспоминания дипломата и заметки историка. Автор о себе, своих коллегах — историках и дипломатах. М.: Наука, 2006. С. 205.

[11] АВПРФ. Ф. 0100. Оп. 34. П. 253. Д. 21. Л. 220-221.

[12] См.: Ларин А.Г. Два президента, или Путь Тайваня к демократии. М.: Academia, 2000. С. 20-21.

[13] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 131. Л. 114 об.

[14] Виктор (Святин), архиеп. На Родине // Китайский благовестник. 1951. № 1. С. 26.

[15] При своем учреждении в Постановлении Священного Синода Русской Православной Церкви от 27 декабря 1945 года был назван Восточно-Азиатским церковным округом. См.: ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 75. Л. 85.

[16] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 522. Л. 22.

[17] В официальном названии этого советского учреждения словосочетание «Русской Православной Церкви» писалось со строчных букв, а «Совете Министров СССР» — с прописных.

[18] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1638. Л. 9.

[19] АВПРФ. Ф. 0100. Оп. 50. П. 426. Д. 37. Л. 2.

[20] Кепинг К.Б. Указ. соч. С. 258-259.

[21] С 2023 года — митрополит Воскресенский, первый викарий Святейшего Патриарха Московского и всея Руси, управляющий делами Московской Патриархии.

[22] Сайт [Кубанской митрополии](https://mitropoliakuban.ru). URL: <https://mitropoliakuban.ru/mitropolit-grigorij-sovershil-panihidu-na-mogile-mitropolita-viktora-svyatina-na-slavyanskom-kladbishhe/> (дата обращения: 27.03.2026).

[23] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 172. Л. 48.

[24] См.: Титова А. Митрополит Виктор (Святин). Жизнь по заветам Христовым // Сайт Кубанской митрополии. URL: <https://mitropoliakuban.ru/mitropolit-viktor-svyatin/> (дата обращения: 27.03.2026).

[25] Бейгуань (кит. «Северное подворье») — территория Российской духовной миссии в Китае, с 1956 года здесь располагалось Посольство СССР, с 1991 года — Посольство Российской Федерации.

[26] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 172. Л. 46-47.

[«Церковный вестник»](#)/Патриархия.ру